

Андрей РУМЯНЦЕВ

Родился в рыбацком селе Шерашове на Байкале. Окончил Иркутский университет. Работал в газете «Молодежь Бурятии», затем заместителем председателя Комитета по телевидению и радиовещанию Бурятии.

Автор многих поэтических и прозаических книг, в том числе биографических повествований о Валентине Распутине и Александре Вампилове, вышедших в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Публиковался во Франции, Канаде, Болгарии, Эстонии и других странах.

Народный поэт Бурятии, член Высшего творческого совета Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в Москве.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

145 лет со дня рождения Александра Блока

В первых же своих поэтических циклах Александр Блок представит перед читателем романтиком. Героиня его «Стихов о Прекрасной Даме», земная девушка, робко откликающаяся на еще неясное, зыбкое чувство юноши, окутана небесной дымкой; она не здесь, рядом, а на «том», на «дальнем» берегу:

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить – не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце – надежды нездешние,
Кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901 г.

Блок – поэт в классическом понимании этого слова. Не тот расхожий образ: человек не от мира сего, а тот божественный посланец, который соединяет «этот» и «дальний» берег, земное и небесное. Могут сказать, что «Стихи о Прекрасной Даме», «Снежная маска», «Фаина» – это поэтические феерии, рожденные молодой фантазией, юношеской, романтической любовью. Отчасти – да; но уже в них, как и в поэтических разделах поздних блоковских книг, проявилось то существенное, характерное, что составляет особенность творчества лирика: его восприятие человеческой судьбы, как соединения двух стихий, – того, что происходит с этой судьбой на земле, и того, что имеет отзвук в мироздании. Судьба поэта в этом смысле знаковая, типичная для всех братьев по разуму; в земной и – одновременно – в небесной жизни певца нет ничего мистического; бытие в двух мирах – это идеальное состояние каждого духовно развивающегося человека.

В феврале 1921 года в речи «О назначении поэта», посвященной очередной годовщине со дня гибели А. Пушкина, Александр Блок сказал:

На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, – катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир. Эта глубина духа заслонена явлениями внешнего мира... Первое дело, которого требует от поэта его служение, – бросить «заботы суетного света» для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину. ...Вскрытие духовной глубины так же трудно, как акт рождения. К морю и в лес потому, что только там можно в одиночестве собрать все силы и приобщиться к «родимому хаосу», к безначальной стихии, катящей звуковые волны.

Блок сразу, в первые же годы общения с читателем, выразил свою позицию: поэтический взгляд на все сущее – на человеческую жизнь, природу, мироздание – это взгляд не бытовой, а особенный, обогащенный духовным знанием певца. Поэт неутомим и вездесущ не только в поиске красоты, но и в поиске земной правды, всеобъемлющего знания о жизни. Не осмеивая «толпы», а лишь определяя свое отличие от нее, часто глухой и слепой, молодой Блок задорно писал:

Я вам поведал неземное.
Я все сковал в воздушной мгле.
В ладье – топор. В мечте – герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905 г.

«Летящим в облаке огня» – это вовсе не поэтическая краснота. Это особота художника, особота творческая, а значит, наделенная Богом. Блок часто подчеркивал это:

Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он постоянно помнил о Божьей мете на челе поэта. Счастье обывателя и проклятье художника, земные мечтания сытого и крылатые грезы певца – это неотступная тема Блока:

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, -
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Блок дал нам чудесную формулу романтики, причем вывел ее из будничного факта предвоенного времени: в Финский залив «кильватерной колонной вошли военные суда». И какой возглас вырвался у поэта:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

* * *

Круг мыслей, чувств, поэтических образов, лексика, даже интонация – все это составляет собственный мир того или иного лирика. У великих поэтов этот мир особо притягательный; он благоухает своими неповторимыми запахами, сверкает своими красками, звенит своими песенными звуками. Для меня пушкинский мир, например, мудр, одухотворен, музыкален, воздушен – нет высокого определения, которое не подходило бы к нему. В пушкинском мире все выверено: и смысл, и тон, и переливы звуков, и жест, с которым должна произноситься фраза:

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отраднй!
Журчи, журчи свою мне былль...

У Блока своя поэтическая вселенная. Именно вселенная: звездное пространство, небесный окоем так же «обжиты» им в стихах, как невские острова или поле Куликово. Блоковский мир чаще всего метельный, вихревой: в нем «снежные брызги», «льдистая вода», «ветер на всем божьем свете», «снеговая купель», «пляшущие тени», «крылатые глаза», «скакуна неровный топот». Таков он, наверное, потому, что в двадцатом веке метельной, обжигающе-морозной стала сама жизнь, жестокая и беспощадная к человеку. Во всяком случае, ритм блоковского поэзии – нервный, стремительно-срывающийся, бьющийся с опасными переборами:

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И сам поэт встает в своих стихах человеком, закаленным бурями: бесстрашным и ранимым, увлеченным и трезвым, страдающим и счастливым. Богатство переживаний, огромная энергия жизни, творческий порыв – этим привлекают нас и личность, и поэзия Александра Блока. Он знал обжигающую, гибельную сладость бытия и говорил о ней с редкой прямоотой и правдивостью. Кто из поэтов называл свои книги и циклы стихов так, как Блок: «Распутья», «Заклятие огнем и мраком», «Возмездие», «Страшный мир»? Это не желание испугать или мрачно ошеломить читателя, это искреннее и правдивое слово о нашем земном мире:

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый
Иль ясность Божьего Лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пусть же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

1911 г.

А посмотрите, как описывает он героев своих стихотворений. Его метафору невозможно предугадать, его эпитеты неожиданны и смелы. В этом ведь тоже приметы особого, романтического видения:

Но в имени твоём – безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозных.

Или:

Она дарит мне перстень выюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге – строгий крест.

И какой он видит свою музу – ни один русский поэт не представлял ее в ореоле звездной красоты и с печатью земных мук, в том подлинном виде, в каком она является на горе и счастье творца!

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами –
Все проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

29 декабря 1912 г.

* * *

Александр Блок, пожалуй, последний в русской лирике поэт с обостренным ощущением трагизма земной жизни. Эту мысль можно оспорить, приведя в пример строки его младших современников – Клюева и Есенина, Ахматову и Цветаеву, Пастернака и Мандельштама. Но дело в том, что Блок выразил это свое ощущение, свое мудрое понимание жестоких испытаний, которые сулит человеку его судьба, в очень раннем возрасте – тогда, когда брожение юных сил, игра молодого воображения застилают будущее, его возможные потрясения. Среди лучших стихов, написанных поэтом в молодые годы, названная тема занимает большое место – и это выделяет Александра Блока в русской поэзии двадцатого века:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905 г.

Немногие поэты, как Блок, так часто и выстраданно писали о переходящем счастье, редкой удаче, мимолетной радости – и о долгом ожидании этих добрых подарков судьбы. Может быть, самые запоминающиеся, пронзительные стихи поэта – именно об этом. О трагизме, который переживается человеком в любви, в творчестве, в задуманном и невыполненном деле. В моей памяти такие стихи записаны, если можно так сказать, особым шрифтом:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому,
Я бросил в ночь заветное кольцо.

Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роєм...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

30 декабря 1908 г.

Трагическое понимали многие поэты. Но для того, чтобы оно захватило и читателя, запомнилось им, как личное горе, нужен особый лиризм. Блок владел этим даром, как Лермонтов, как Фет, – он оставил сотни печальных строк, которые тревожат наши сердца. Он умел увидеть человеческую драму, например, в потерянном дне, в пустоте и скуке души, которая вроде бы способна к возвышенной жизни; увидеть и передать безжалостными и – одновременно – простыми словами:

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909 г.

И все же самое характерное в поэзии Александра Блока – его солнечное, романтическое восприятие бытия, эмоциональная приподнятость, праздничное приятие жизни, пусть и требующей душевной работы и борьбы. Это феноменальное качество Блока: прожить короткую жизнь в самое трагическое и для России, и для всего мира время, видеть безумное истребление целых народов, полнейшую разруху отечества, гибель культуры и нравственности, душевный паралич и апатию близких по творчеству людей – и без усталости, с мужественным постоянством убеждать современников и нас, потомков, что жизнь – это свет, красота и добро!

О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!

<...>

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю –
Все равно: принимаю тебя!

24 октября 1907 г.

* * *

Александр Блок открыл в русской лирике двадцатого века еще одну трепетную страницу. Я имею в виду стихи о России. Его зачин продолжили – каждый по-своему – другие поэты жестокого столетия, но первым и страстным по чувству певцом своей родины все же можно считать Блока. Он исторг такие пронзительные ноты, нашел такие благоговейные слова, что после него стали совершенно невозможны дежурные признания; его страстность и эмоциональность задали поэтическую высоту признаниям других лириков двадцатого века.

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные разговоры
Под заревом горящих сел.

<...>

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так – я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу...

24 сентября 1906 г.

Блок и тут остается романтиком: его Русь, даже «в зареве горящих сел» (а к сентябрю 1906 года такие зарева зловеще пылали по всей крестьянской России), окутана небесной дымкой, озвучена песнями старины, населена ведунями и ворожеями – сказочная любимая родина не потеряла своей загадочной прелести, неизъяснимой красоты. В но-

вых стихах Блока она будет обретать дорогие черты матери или жены – и каждое его слово будет становиться ближе и значительней, родней и понятней для нас, потомков поэта:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарит кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

7 июня 1908 г.

Почему именно в предреволюционное десятилетие Блок написал свой поэтический цикл «Родина»? Вероятно, потому, что неблагоприятные страны, страшное обнищание народа не давали покоя художникам, тревожили их обостренную совесть. Блок, судя по записям в дневнике, переживал эти невзгоды как личную трагедию. А в стихах он всегда был точен и верен своему чувству:

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909 г.

Как у истинно национального поэта у Блока лирическое начало в стихах о родине постоянно сочетается с глубоким историческим, общественным содержанием. Художник нового века, он словно подхватил мысль Пушкина об исторической заслуге России в спасении цивилизации и культуры Европы. Наш гений подчеркивал: «Долго Россия была отделена от судьбы Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов и остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией, а не Польшей, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагоприятна». Блок, создавая стихотворный цикл «Родина», полемически

заострил эту пушкинскую мысль. Ему кажется, что и в последующие после средневековья столетия над русскими степями «идут, идут испуганные тучи, закат в крови», что отчизне нашей «покоя нет, степная кобылица несется вскачь». Все поэтические образы Блока в стихах о родине навеяны разрушительной «азиатской тучей»; и сама Русь, испытав «полон», на долгие времена приобрела «разбойную красу», окунулась в «острожную тоску». Далеко позади остались кровавые сечи русичей с кочевниками, а дым давних пожарищ до сих пор «выедает глаза», растерзанные города и селенья прошлого лишают покоя:

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. Молись!

23 декабря 1908 г.

В блоковских строках остро чувствуется грозовой воздух начала двадцатого века. Действительно, «недаром тучи собрались»: за спиной стояла Цусима – жестокое поражение России на Дальнем Востоке, а впереди уже виднелись зловещие всполохи великой мировой бойни. Десятилетие спустя, уже в разоренной долгой войной и революцией стране, Александр Блок продолжит этот свой поэтический монолог, опять по-пушкински оценивая взаимоотношения России и Европы. Пушкин, как известно, в приведенных выше словах вовсе не выставлял исторический счет России Европе; он просто констатировал то, что было. Сам же поэт с огромным уважением относился к народам Запада и их культуре. Страстный поклонник и глубокий ценитель Шекспира и Данте, Байрона и Гете, европейски образованный человек, Пушкин видел в освоении богатейшей культуры Запада прививку отечественному искусству от обособленности и застоя. Тот же широкий взгляд на место России в семье европейских народов имел и Александр Блок. Его понимание самобытности жизни и культуры родины не заслоняло тысячелетнего животворного влияния Европы на Россию. Но любовь должна быть взаимной; неблагодарность одной из сторон уже привела к мировой катастрофе. Блоковская поэма «Скифы», резкая и зовущая к любви и примирению одновременно, стала не только выражением русского достоинства, дружелюбия и спокойной силы, но и фактом мировой поэзии, всегда гуманистической, примиряющей по духу. Это произведение бессмертно, как поэтическое воплощение нашего национального самосознания:

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома, лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

<...>

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

30 января 1918 г.

И все же во всех стихах Блока о родине есть дымка таинственности, словно его поэтический характер и тут не мог лишиться своей романтической сущности. Это чудная песнь: в ней вроде бы поется о доме, о темной туче над головой, о маячащих на горизонте далеких селах, то есть о том, чему никогда не удивится сыновний взгляд; и в то же время пронзительная нежность, испытанный в детстве восторг, возмужавшая память, знающая о прошлом этой земли, – все это подымается в человеке, и хмельная любовь диктует счастливые, перебивающие друг друга, восторженные слова:

В густой траве пропадёшь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетёт косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня – куст белых роз.
Вот здесь вчера – повилика вилась.
Где был, пропал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

12 июля 1907 г.

Нет, так никто не писал о нашей русской земле!

* * *

И еще одну поэтическую страсть сохранял Александр Блок всю свою жизнь – он был человеком общественным. События российской жизни, несчастья людей, особенные, из ряда вон выходящие происшествия – все оставляло след в его душе. Может быть, ни один поэт, как Блок, начиная с молодых лет, не запечатлел в своих стихах столько подробностей текущей, будничной жизни большого города, жизни крестьянской страны.

Напомню только названия некоторых стихотворений поэта: «Сытые», «Повесть» («В окнах занавешенных ...»), «В кабаках, в переулках, в извивах...», «Поднимались из тьмы погребов...», «Балаган» («Над черной слякотью дороги...»), «Из газет», «Незнакомка» («По вечерам над ресторанами...»), «Там дамы щеголяют модами...», «Окна во двор», «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошеном...»). К. Чуковский вспоминал, какое впечатление производила на него улица в фабрично-заводском районе Петербурга, где одно время жил Блок; Чуковский постоянно соотносил ее со стихами поэта: «Тогда она кипела беднотой. Стоило мне войти в эту улицу, и в памяти всегда возникали стихи, которые эта улица как бы продиктовала поэту...» При этом симпатии Блока никогда не менялись; возможно, духовный опыт русской классики, для которой не было «низких» тем и которая неизменно разделяла народное отношение к добру и злу, правде и кривде, помог Блоку с самого начала творчества выбрать верную нравственную и общественную позицию:

ФАБРИКА

В соседнем доме окна желты.
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903 г.

Блок всем существом чувствовал живое дыхание окружающего мира. Он не был ни затворником, ни погруженным в себя человеком. Он любил «плоть» жизни, ее обычные и неожиданные проявления. Поэтому так много у Блока лирических стихов, толчком для которых стали будничные наблюдения:

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг, –
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. –
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916 г.

* * *

Особенно много копий сломано вокруг поэмы «Двенадцать». На другой день после ее публикации иные из бывших знакомых и даже друзей поэта «не стали подавать ему руки» – эту фразу так часто повторяли литературоведы, что лучше взять ее в кавычки.

До девяностого года прошлого века о поэме говорили чуть ли не со священным трепетом; называли ее «октябрьской», «первым произведением зарождавшейся советской литературы». После этого рубежа оценки резко изменились. Заговорили о том, что уже вскоре после ее создания поэт стал раскаиваться, вроде бы даже отрекся от нее. Убеждали читателей, что время наказало поэта, потому что-де революция, которой он посвятил свое творение, – это преступление и проч., проч.

Флюгеров хватало всегда. Единственное, что может сделать любитель литературы в таком случае – это обратиться к первоисточнику, к другим произведениям автора, к его письмам и дневникам, к свидетельствам современников, заслуживающим доверия, и составить собственное мнение о поэме.

В пояснении к ней Блок писал:

...Во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, – будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронсящийся революционный циклон производит бурю во всех морях – природы, жизни и искусства... Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над ними. Я смотрел на раду-гу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики.

Мы уже говорили, перечитывая стихи Блока – от юношеских до последних, – что это был поэт, которому за любимыми событиями земной жизни виделись их небесные отзвуки; для которого то, что начиналось рядом, в суете жизни, имело продолжение в звездной дали.

«Двенадцать» – это не эпическая поэма, не рассказ современника об Октябрьской революции, это эмоциональные вспышки лирического поэта, родившиеся в грозном воздухе семнадцатого года. Не случайно Блок начал свое пояснение к «Двенадцати» такими словами:

...В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией...

Напомню, что в январе 1907 года и в марте 1914-го поэта настигли, как удары электрического тока, два увлечения – Н. Волоховой и В. Андреевой-Дельмас. Другой автор никогда не поставил бы рядом внешне несравнимое: революцию и любовь к женщинам. Другой, но не Блок. Для него то и другое было поразившей душу стихией, в согласии с которой он написал дорогие ему произведения.

Причем обратите внимание на слова поэта о том, что «революционный циклон произвел бурю во всех морях – природы, жизни и искусства». Для Блока революция оказалась бурей, потрясением не только в социальной жизни, но и в природе, и в искусстве. Тот «слитный, большой шум», огласивший земную и небесную твердь, а также привычный мир искусства, был похож на стихию, потрясшую его зимой 1907-го и весной 1914-го годов; в гуле этой стихии и пришла к Блоку его оригинальная поэма.

Читая «Двенадцать», можно задавать себе удивленные вопросы. Например, почему идущие по метельному, взвихренному городу красногвардейцы стреляют в гулену Ваньку и его легкую подружку Катьку, несущихся вскачь на лихаче, а убив блудницу, говорят себе:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Какой враг не дремлет? И против кого нужно держать «революционный шаг»? Неужели против таких, как Катька с Ванькой? Далее. Когда один из двенадцати, Петруха, закручинился из-за гибели своей вчерашней зазнобы Катьки, его товарищи урезонируют парня:

Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?

– Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Кажется, тут не к месту это «вперед, рабочий народ!» Вперед – куда, против кого? И не странно ли под «рабочим народом» подразумевать и этих «двенадцать», каждому из которых «на спину б надо бубновый туз», как у каторжников, этих, которые шутя убивают, грозят грабежами («Запирайте этажи, нынче будут грабежи!»), «идут без имени святого», «ко всему готовы, ничего не жаль»?

На эти вопросы, однако, ответил сам Блок – и всем предыдущим творчеством, и статьей «Интеллигенция и революция», опубликованной в том же январе 1918 года. В этом страстном обращении к своим коллегам поэт говорил:

Что же вы думали? Что революция – идиллия? ...Что народ – паинька? Что сотни жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И наконец, что так «бескровно» и так «безболезненно» и разрешится вековая распря между «черной» и «белой» костью, между «образованными» и «необразованными», между интеллигенцией и народом?

И еще:

Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда – о великом.

Поэма «Двенадцать» – это вихрь и гул революционной улицы, это мешанина взбаламученной жизни. В самих ритмах, виртуозно разнообразных и точно соответствующих содержанию каждой главки, живет неуправляемый, жестокий, неудержимый характер народной революции. А «летучие», мелькающие персонажи поэмы («старушонка, как курица», «буржуй на перекрестке», «вития» из интеллигенции, «поп», даже «пес безродный») – это словно бы застигнутые на взвихренной дороге существа. Почему же должны быть другие, а не эти? И почему среди идущих с ружьями двенадцати не может быть самых отпетых?

Среди них, – уточнял свою мысль поэт, – есть такие, которые сходят с ума от самосудов, не могут выдержать крови, которую пролили в темноте своей; такие, которые бьют себя кулаками по несчастной голове: мы – глупые, мы понять не можем; а есть и такие, в которых еще спят творческие силы; они могут в будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и книжная литература.

Много удивленных вопросов задавали Блоку по поводу концовки поэмы. Почему впереди «двенадцати» появляется Христос? Поэт ответил с обескураживающей искренностью:

Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: «К сожалению, Христос».

Этому безусловно веришь. Пусть участниками социального потрясения оказались натуры не ангельские, даже ущербные. Но к ним ведь тоже приложимы слова:

Каждый из них, как весь народ... скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно *все будет по-новому*.

Они верили в свет и надежду впереди. Так почему же перед ними не может замаячить Христос?

Надо вот сейчас понять, — убеждал интеллигенцию Блок, — что народ русский, как Иванушка-дурачок, только что с кровати схватился и что в его мыслях, для старших братьев если не враждебных, то дурацких, есть великая творческая сила.

Вера в эту творческую силу и подсказала Блоку последние строки его поэмы. Он и в статье «Интеллигенция и революция» с убежденностью говорил:

России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой.

Эта уверенность Блока и поддерживает нас ныне.

* * *

В середине своего короткого пути Александр Александрович написал «Возмездие» — поэтическую хронику жизни своей семьи и России с конца девятнадцатого века. Поэма осталась неоконченной, но последние набросанные автором строки можно назвать его заветом, сердечным, ободряющим посланием потомку:

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь ухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг...
<...>
Ты все благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis** Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

1911 г.

Неизменный романтик в жизни и поэзии, Александр Блок и не мог пожелать иного.

* В полную меру (*лат.*) — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена.